

Унтербергеры, Ионовы и Яковлевы: стратегии выживания военных инженеров Владивостокской крепости и их семей в годы Гражданской войны в России

Роман Сергеевич Авилов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: avilov-1987@mail.ru

В статье на материалах семейных архивов рассматриваются стратегии выживания военных инженеров П.П. Унтербергера, Н.Н. Ионова и Е.А. Яковлева, участников строительства Владивостокской крепости, в годы Гражданской войны 1918—1922 гг. Установлено, что их действия в годы войны были обусловлены, не только политическими убеждениями, но и соображениями обеспечения безопасности собственной семьи, родных, близких и детей. Более того, в большинстве случаев именно интересы семьи и детей ставились на первое место, вопреки утверждениям советской историографии о первенствующем значении политических убеждений. Именно поэтому офицеры, оказавшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке чаще всего служили, а зачастую и воевали, на стороне белых армий. В свою очередь инженерные офицеры, оказавшиеся на территории подконтрольной красным, часто оказывались на службе у красных вопреки своим политическим убеждениям или вынужденно шли на откровенный компромисс с совестью в целях спасения семьи. Некоторые же полагали, что необходимо служить Родине независимо от степени гнусности правительства, которое оказалось в стране у власти. Последние две тенденции во многом обеспечили приток в Красную Армию квалифицированных военных специалистов старой школы, в том числе и военных инженеров, присутствие которых позволило большевикам сравнительно быстро создать относительно боеспособную армию.

Ключевые слова: Гражданская война 1918—1922 гг., революция 1917 г., Владивостокская крепость, стратегии выживания, военные инженеры.

Unterberger, Ionov and Yakovlev: survival strategy of military engineers of Vladivostok Fortress and their families in time of Russian Civil War

Roman Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

In the article, on a source of family archives, examines the survival strategy of military engineers P.P. Unterberger, N.N. Ionov and E.A. Yakovlev, who participated earlier in building of Vladivostok Fortress, in the Russian Civil War. It was found that their actions in time of Civil War were been determined not only by their political convictions, but also the reasons of family and children security. Moreover, in most cases, despite of soviet conceptions of supremacy of political convictions, the family and children interests were in a first place. It was the reason, which determined the situation, when the offices served in Siberia and the Russian Far East, usually fought in the side of the White Armies. In its turn, the engineer officers, who stood in the territory over the Bolshevik government control, usually found them in the service in Red Army against their political convictions or compromised with their own conscience for to save the life of their family. Some of them supposed, that it is necessary to serve one's country any way, and the level of enormity of the government, that the long arm of coincidence is the government de facto, is not so important. The last two trends in many ways determined the influx of the high-level military specialists, including military engineers, of old Russian Empire to the Red Army. This situation let Bolsheviks to create comparatively fast the new relatively battle-seasoned army.

Keywords: Civil War of 1918—1922, Russian Revolution of 1917, Vladivostok Fortress, survival strategy, military engineers.

Революции 1917 г. стали трагедией не только для России в целом, но и почти для каждого её жителя в отдельности. Долгие годы, в период существования СССР исследование как революций, так и последовавшей за ними Гражданской войны 1918—1922 гг. велось в чётко очерченных идеологией рамках, которые жёстко ограничивали историков в оценке людей, многие из которых оказались вовлечены в водоворот этих событий вопреки своей воле. Внимание было сфокусировано на основных политических событиях, и роли в них отдельных, наиболее выдающихся личностей (партийные вожди, лидеры белогвардейцев, командование войск интервентов и т.д.), навешивании ярлыков «герой революции», «враг революции», «контра» и т.п. При этом жизнь менее значимых, с точки зрения «великих свершений», людей, а главное — их семей, находилась всецело за пределами внимания исследователей.

С распадом Советского Союза, открытием доступа широкой массы исследователей к документам, а также появлением возможности работать с огромным, как по богатству, так и по научной ценности, наследием русской эмиграции, историю революций и Гражданской войны в России пришлось фактически переписывать заново. Слишком много в советской историографии оказалось умолчаний и откровенных подтасовок фактов в угоду спущенных сверху идеологических установок.

Возможность работать как с наследием русской эмиграции, так и с семейными архивами, чудом сохранившимися на территории бывшего СССР, дала исследователям шанс взглянуть на исторический процесс значительно шире, чем это делалось в советское время. Например, рассматривать Гражданскую войну 1918—1922 гг. глазами отдельно взятого человека или его семьи, или, при привлечении нескольких таких архивов, на историю населённого пункта или региона.

Не менее интересной представляется и идея посмотреть на историю Гражданской войны глазами людей, достаточно неплохо знакомых между собой, с близкими морально-ценностными ориентирами, принадлежащих к одной корпорации и работавших какое-то время в рамках реализации одного проекта. Таким образом, в рамках данного исследования, будут рассмотрены стратегии выживания в годы братоубийственной войны бывших инженеров Владивостокской крепости, участвовавших как в строительстве нового сухопутного обвода крепости по проектам 1910 г., так и системы береговой обороны. Как выживали эти люди и их семьи? Как получилось, что многие из них оказались по разные стороны линии фронта и насколько это соответствовало их моральным принципам?

Задачу существенно облегчает то, что биографии военных инженеров, имевших отношение на определённом этапе своей службы к строительству Владивостокской крепости, к настоящему времени достаточно хорошо изучены, а необходимая источниковая база в значительной степени уже введена в научный оборот [1; 10, с. 130—187; 14; 15, с. 5—65].

Родной сын бывшего Приамурского генерал-губернатора и Командующего войсками Приамурского военного округа военный инженер подполковник *Петр Павлович Унтербергер*, с началом Первой мировой войны 1914—1918 гг. ходатайствовал о назначении на фронт, куда и отправился 23 декабря 1914 г. По прибытии в действующую армию он был направлен в распоряжение начальника инженеров крепости Ивангород, в 1915 г. принимал участие в укреплении г. Радом, занимался строительством оборонительных позиций у г. Шлок (в настоящее время г. Слока, Латвия) под Ригой.

Впоследствии он занимался фортификационными работами в Финляндии: в крепости Выборг, затем на батареях Або-Оландской позиции Морской крепости Императора Петра Великого. В то время там работало достаточно много его бывших сослуживцев по Управлению Строителя Владивостокской крепости. В Финляндии, в том же г. Выборг, находилась и его супруга Евгения Людвиговна с детьми и матерью, приехавшая из Владивостока. За отличие в боевых действиях в 1915 г. Петр Павлович был произведён в полковники [1, с. 149—150].

В 1916—1917 гг. он воевал в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции и в Греции на Салоникском фронте [Подробнее см.: 4; 12].

Полковник Унтербергер не принял ни революцию октября 1917 г., ни позорного Брестского мира 1918 г., столь трагично завершившего участие России в Первой мировой войне, и поступил на службу во французскую армию, где получил чин майора корпуса военных инженеров. При этом его супруга с детьми и матерью оставалась в Финляндии, где и пережила значительную часть ужасов Гражданской войны. Во время боёв весны 1918 г. за Выборг между финскими войсками и Красной гвардией им приходилось спать в доме на полу, а вход забаррикадировать мебелью изнутри так, чтобы внутрь не могли залететь шальные пули. Тем не менее, семья Унтербергера не пострадала ни во время боёв, ни во время резни русского населения, устроенной финнами вслед за взятием Выборга.

Впрочем, для здоровья Евгении Людвиговны всё это не прошло без последствий. На фоне переживаний за мужа, будущее детей и судьбу страны у неё развилась невралгия, началась общая слабость, сопровождавшаяся снижением аппетита. В результате матушка вынуждена была откармливать её разными вкусоностями, заботясь о ней как о маленьком ребенке.

Сам П.П. Унтербергер, после окончания Первой мировой войны присоединился к французской военной миссии в Сибири (опять помогли старые связи во французском Генеральном штабе) и в августе 1919 г. на пароходе «Мейван» французской кампании «Мессажери Лайн» вернулся во Владивосток вместе с супругой и детьми [20].

Элеонора Лорд Прей, проживавшая в то время во Владивостоке, вспоминала, как в один из жарких летних дней, вернувшись с дачи и войдя в свой дом, она увидела высокого офицера во французском мундире, который шёл впереди неё по проходу к главному входу. «Вообразите мой восторг, — писала она в одном из писем, — когда я вошла в дом и обнаружила, что это был полковник Унтербергер, а Жени уже была внутри, ожидая его. Я не виделась с ними почти пять лет, хотя знала из писем, что они уже в пути сюда» [9, с. 101].

Поселилась семья Унтербергеров в помещении в Морском госпитале, которое для них выделила французская миссия. Сам Петр Павлович во Владивостоке надолго не задержался и первым же поездом отправился в г. Омск, чтобы представиться начальнику миссии генералу М. Жанену и получить от него какое-либо назначение или задание, чтобы оказывать посильную помощь сражавшимся с большевизмом русским войскам. Генерал произвёл на Унтербергера достаточно скверное впечатление, какого-либо внятного задания он от него тоже не получил. Зато встретился там же со старым сослуживцем, бывшим начальником штаба Владивостокской крепости бароном А.П. Будбергом [Подробнее о его биографии в годы Гражданской войны 1918—1922 гг. см.: 3, с. 76—110; 5; 6; 7; 8; 11, с. 588—722], который был у А.В. Колчака управляющим

Военным министерством. Выслушав Унтербергера, Алексей Павлович откровенно посоветовал ему как можно быстрее покинуть Омск и вернуться во Владивосток, где у него, во-первых, осталась семья, которой в условиях с трудом прогнозируемой ситуации в любой момент могла понадобиться помощь, а, во-вторых, где у него остались старые связи. Последние, по мнению Будберга, он мог использовать для оказания помощи в организации снабжения сражавшейся армии [20].

Поскольку французы были не против, П.П. Унтербергер последовал совету барона и, вернувшись во Владивосток, представился старому сослуживцу по Владивостокскому крепостному инженерному управлению полковнику А.Л. Федорову. Последний к тому времени был уже генералом и занимался организацией снабжения войск А.В. Колчака по инженерной части. Однако поскольку он не знал толком ни одного иностранного языка, то переговоры по поставкам военного имущества и процесс заключения контрактов шёл очень медленно. Унтербергер, знавший свободно английский и французский языки, оказался для него просто подарком судьбы и был немедленно назначен начальником его канцелярии.

К этому времени семья Унтербергеров переехала на квартиру в одном из офицерских флигелей 1-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка на Первой речке, где и родился в октябре 1919 г. их младший сын Павел (Павел Фридрих). Примерно в то же время во французской армии был отдан общий приказ о демобилизации офицеров, призванных в военное время, в связи с чем П.П. Унтербергер ушёл в отставку с французской службы, а значит и перестал получать жалование от французского правительства. Ситуация на колчаковском фронте тем временем постоянно ухудшалась, инфляция росла и получаемых денег уже перестало хватать на содержание семьи.

В этой связи в январе 1920 г. П.П. Унтербергеру удалось благодаря старым связям получить назначение на Русский остров на должность командира 1-го батальона в так называемую школу Нокса. Школа финансировалась напрямую британским правительством и денежное содержание там было значительно лучше, что несколько поправило финансовое положение семьи. К новому месту службы он прибыл буквально за несколько дней до переворота 31 января 1920 г., когда власть А.В. Колчака рухнула и во Владивостоке [20].

Примкнуть к антиколчаковскому мятежу П.П. Унтербергер отказался и, вместе с другими такими же офицерами школы, был арестован. Семья о его судьбе первое время ничего не знала. От перенесённого потрясения состояние здоровья его супруги, Евгении Людвиговны, ухудшилось настолько, что она не смогла кормить малыша, и в доме не оказалось ни угля, ни дров. Семье грозила реальная опасность погибнуть от голода, но спас случай. Неподалеку от места их проживания располагался не очень строго охранявшийся японцами лагерь военнопленных. В результате, детей Унтербергеров, Жоржика и Лили увидел австрийский военнопленный Вильгельм Дитц. Они взяли детские санки и пошли на вершину ближайшей сопки, где австриец помог им сломать несколько небольших деревьев и разделить их на дрова, что спасло семью от окончательного замерзания [9, с. 101—102].

Когда Евгения Людвиговна пришла в себя, то с помощью другого знакомого военнопленного, занимавшегося во Владивостоке коммерцией, несколько раз съездила на Русский остров, чтобы навестить мужа и оказать ему посильную помощь. Вскоре

после этого офицеров перевели на континент в городскую тюрьму, «объяснив» им, что это необходимо для оформления документов на освобождение. На самом же деле большевики просто хотели расправиться с пленными, но не могли сделать это в открытую, поскольку Владивосток контролировался японцами. Поэтому они решили организовать массовые расправы за пределами города, куда и вывозить офицеров крупными партиями. Впоследствии Петр Павлович вспоминал, что в одну из ночей часть заключённых из тюрьмы просто исчезла, а остальным сказали, что их освободили. На самом же деле, офицеров погрузили ночью в вагоны, вывезли за несколько сотен километров от Владивостока, в район, где японского контроля уже не было, и, не доезжая до Хабаровска, тоже контролировавшегося японцами, расстреляли всех на мосту через р. Хор. Лишь одному из офицеров чудом удалось спастись и добраться до г. Хабаровск, где он рассказал японцам о случившемся. Японцы пришли в бешенство и, во-первых, приказали немедленно выпустить всех ещё уцелевших русских офицеров из Владивостокской тюрьмы, а, во-вторых, взяли всё движение по железной дороге под жёсткий контроль [20]. Таким образом, благодаря японским интервентам жизнь П.П. Унтербергера была спасена.

Он снова поступил на службу в возглавляемое бывшим Начальником инженеров Владивостокской крепости генерал-майором А.Л. Федоровым Управление Главного начальника снабжения войск Приморской области, заняв должность начальника канцелярии. Жили Унтербергеры сначала в прежней квартире на Первой речке, а затем переехали на Форт № 6 в дом бывшего производителя работ [16, НСБ. Приказ по Владивостокской крепости № 211 от 18 июня 1920 г.]. Причиной была всё та же необходимость поддерживать нормальный уровень жизни семьи, поскольку служба на власть красных хотя и давала П.П. Унтербергеру хоть какой-то легальный статус, но совершенно не обеспечивала материально. В то же время бывший начальник 6-го строительного участка военный инженер капитан В.В. Буйко ещё в мирное время фактически превратил свой дом в ферму, которая и после отъезда хозяина на фронт была сохранена одним из живших на форту техников. Под предлогом необходимости работы по хозяйству и дому Унтербергеру удалось добиться освобождения из лагеря двух австрийских военнопленных, одним из которых был тот самый Вильгельм Дитц. Он, ко всему прочему, был профессиональным художником и очень красиво оформил интерьер спальни. Впоследствии он станет мужем сестры Петра Павловича, Елены, которая уедет за В. Дитцем в Австрию и выйдет за него замуж [20].

После Меркуловского переворота 26 мая 1921 г. П.П. Унтербергер продолжает военную службу. Этой же весной во Владивосток возвращается и мать его жены, Евгении Людвиговны, тоже оказавшая семье существенную помощь своим опытом ведения домашнего хозяйства. Она навела порядок в доме, сумев выгнать оттуда отказывавшихся платить квартирантов, отремонтировала освободившиеся помещения и категорически настояла, чтобы вся семья переехала к ней в город подальше от разного рода «случайностей» [20].

В августе 1921 г. Петр Павлович получил новое назначение Начальником инженеров Владивостокской крепости, а также исполняющим должность начальника инженерных снабжений войск Приамурского правительства. Однако от должности он по этическим соображениям отказался, поскольку перед этим от неё был отрешён один из самых уважаемых военных инженеров крепости — полковник Э.О. Маак.

10 августа 1922 г. во Владивостоке состоялся Приамурский Земский собор, созданный по инициативе генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. Петр Павлович принял в его работе активное участие в качестве помощника секретаря. Правителем края был избран все тот же М.К. Дитерихс, а почётным председателем собора единогласно избрали находившегося в Москве Патриарха Тихона. 15 сентября 1922 г. в г. Никольск-Уссурийский прошёл Дальневосточный национальный съезд, собравший около 200 делегатов, призывавший население дать решительный бой коммунистам на последнем «свободном» клочке русской земли. Петр Павлович принял участие в работе съезда и даже был избран в состав его совета [1, с. 153]. Впрочем, исход битвы с большевизмом на Дальнем Востоке для большинства офицеров был уже очевиден.

Унтербергер очень не хотел уезжать из Владивостока, но для спасения жизни и семьи это было необходимо, ведь он был не только активным участником Белого движения и бывшим офицером французской военной миссии, но и родным сыном бывшего Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками округа, Сенатора и члена Государственного Совета. Люди с такими родственными связями в нарождавшемся «свободном государстве» были обречены. О степени цинизма новой власти, уже один раз пытавшейся его расстрелять говорит и тот факт, что встретивший Петра Павловича в очереди на получение визы у Китайского консульства представитель большевиков (бывший комиссар Управления снабжения войск Приморской области), начал активно уговаривать его остаться, заверяя, что претензий у советской власти к нему нет.

Выезд из страны готовился очень тщательно. Заблаговременно были оформлены все надлежащие документы, включая загранпаспорт, получена китайская виза. Подготовку эвакуации семьи из страны существенно осложняла и очередная болезнь Евгении Людвиговны, которая не могла ехать вместе с мужем, и вынуждена была остаться на неопределённое время во Владивостоке с маленькими детьми. В целях безопасности, чтобы фамилия его супруги никак не указывала на их связь, её документы были выправлены обратно на девичью фамилию — Евгении Людвиговны Бирк. Помогли старый друг семьи пастор Август Румперт и связи в Приморском областном правлении. Ещё один друг семьи, Альфред Густавович Альберс, бывший тогда управляющим фирмы «Кунст и Альберс», купил ему два билета на английский пароход «Лорестан», уходивший из Владивостока в Шанхай, а на его имя в одном из Шанхайских банков был открыт счёт, на который его друг положил сумму, достаточную для первоначального найма жилья и нормального существования во время поиска работы.

Чтобы обезопасить себя и старшего сына от разного рода неожиданностей, вроде очередного внезапного захвата власти в городе большевиками, Петр Павлович перебрался вместе с сыном на корабль ещё 20 октября. Пароход стоял на рейде и прямого контакта с берегом не имел. Евгения Людвиговна навещала их несколько раз, последний — в день отхода. Старший сын П.П. Унтербергера был тогда кадетом Сибирского кадетского корпуса 15 лет от роду и хотел покинуть Россию вместе со своими товарищами уйдя с Русского острова 25 октября 1922 г. на кораблях Сибирской флотилии. Однако мать категорически настояла, чтобы он эвакуировался вместе с отцом, дабы не разрывать семью на три части [20]. Решение это оказалось правильным, поскольку канонерская лодка «Лейтенант Дымов», один из кораблей, на котором

эвакуировались кадеты, погибла вместе со всеми, кто на ней находился, а остальные корабли пришли в Шанхай только 2 месяца спустя.

Отъезд П.П. Унтербергера из Владивостока 22 октября 1922 г. был описан и в одном из многочисленных писем Э.Л. Прей: «...телега за телегой ехали по Светланской, гружённые чемоданами, коробками и домашним скарбом, а на самом верху в каждой — женщины и дети, иногда с домашней собачкой. Это было одно из самых печальных зрелищ, какие мне только приходилось видеть: все они бежали, спасая жизнь, на суда, чтобы выбраться из этой страны, где они родились и которой многие из них уже никогда не увидят... Так как предполагалось, что пароход “Лорестан” отойдёт вскоре после десяти, мы позавтракали рано... и без каких-либо затруднений переправились на Чуркин, где стояло судно. Вокруг него были десятки сампанов, и десятки разносчиков-китайцев предлагали всё, что только можно, по части провизии и фруктов, и это было как столпотворение, вышедшее из берегов. По судну было невозможно передвигаться из-за людей, а широкая главная палуба была так завалена багажом, что не нашлось бы места даже для кошки. И было так больно видеть людей, таких напуганных и в таком нервном напряжении, хотя они и находились на британском корабле... Я задавалась вопросом, что должны были испытывать такие люди, как Петр, которые всю жизнь служили России, своей стране, отдавая ей все свои силы, и которые, в страхе за свою жизнь, вынуждены бежать за границу; и... я задавала себе вопрос, о чём они думают, глядя на эти великолепные сопки, кольцом обступившие гавань, и зная, что уезжают навсегда» [13, с. 393—394]. День был пасмурный и П.П. Унтербергер, стоя на палубе, размышлял о том, что он уже в третий раз покидает место своего детства, свою Родину, и на этот раз уже навсегда [20]. Впоследствии П.П. Унтербергер жил и работал в Шанхае, на о-ве Тайвань, а после Второй мировой войны вернулся на родину предков — в Австрию.

Совершенно по иному сложилась судьба военного инженера *Евгения Андреевича Яковлева*, бывшего с мая 1913 г. до ноября 1914 г. производителем работ 7-го строительного участка, т.е. строителем Форта № 7 сухопутного обвода Владивостокской крепости проекта 1910 г. Он тоже был активным участником Первой мировой войны 1914—1918 гг., куда отправился осенью 1914 г. в составе 5-го Сибирского армейского корпуса, в должности помощника корпусного инженера, которую он занимал до 1916 г. Затем он последовательно занимал должности корпусного инженера 19-го армейского корпуса, одновременно командуя 19-м сапёрным батальоном, а затем 19-м инженерным полком. В 1917—1918 гг. он занимал должность помощника Начальника инженеров 2-й армии и временно исполняющего должность Начальника инженеров этой армии вплоть до начала 1918 г., дослужившись до чина подполковника российской императорской армии. До генерал-майора он дослужится уже в советской армии, уцелев в СССР лишь чудом [18].

Семья Е.А. Яковлева, супруга Валерия Фердинандовна с дочерью Ириной, после его отправки на фронт переехала из Владивостока в Петроград, сдав на хранение знакомым все вещи и сеттера Аву. Тогда все были убеждены, что война продлится недолго, а возвращение во Владивосток произойдет в обозримом будущем. Именно поэтому среди оставленных вещей оказалась и фарфоровая собачка-копилка с золотыми монетами, о чём Валерия Фердинандовна потом очень сожалела. Вещи, как и вещи генерала А.П. Шошина сохранились до ухода японцев в 1922 г., после чего были

разграблены доблестной Красной Армией. Ава же благополучно дожила у знакомых примерно до 1924 г.

В годы Первой мировой войны Валерия Фердинандовна вначале работала медсестрой в офицерском госпитале для выздоравливающих, но затем, по категорическому настоянию мужа «красавица польского народа» (выражение П.П. Унтербергера), вынуждена была оставить эту деятельность. До революции, а затем и после неё до 1923 г. она работала счетоводом, в дальнейшем став домохозяйкой [1, с. 329—330].

В годы Гражданской войны подполковник Е.А. Яковлев, волею случая оказался по другую сторону линии фронта — он, хотя формально и числился в штате Управления Строителя Владивостокской крепости, находившейся под властью правительства адмирала А.В. Колчака, но в белом движении участия не принимал. В январе 1918 г. его перевели в Центральное военно-техническое управление с назначением в Демобилизационный отдел. 6 марта 1918 г. его назначили на должность товарища заведующего Демобилизационным отделом Комиссариата по демобилизации при Центральном военно-техническом управлении, каковую он и занимал до 1 июля 1918 г. С 1 июля 1918 г. он занимал должность помощника Начальника инженеров Ярославского окружного военно-инженерного управления, которую занял по приглашению своего бывшего начальника во Владивостоке, генерала А.П. Шошина, назначенного Начальником инженеров Ярославского военного округа. Затем Е.А. Яковлев занимал должности Начальника инженеров Киевского военного округа (1920—1922 гг.), инспектора инженерных войск Киевского военного округа (1922—1923 гг.) и Начальника инженеров Петроградского укрепленного района [18].

В Киеве Евгений Андреевич в первый раз чуть не пал жертвой советской карательной системы. Вскоре после начала его службы в этом городе, было организовано застолье, за участие в котором бывшие офицеры, служившие в Окружном инженерном управлении, были арестованы «за бытовое разложение», и в результате он попал в страшную Лукьяновскую тюрьму, живыми из которой обычно не выходили. Однако ему повезло. В тюрьме он заразился сыпным тифом, тяжело заболел и по ходатайству доброжелателей (Киев до этнических чисток проведённых украинскими националистами был во многом польским городом, а жена Е.А. Яковлева была полькой), родственников тюремного врача, его перевели в госпиталь. Это и спасло ему жизнь, поскольку пережить в тюрьме смену власти ему бы явно не удалось — в таких случаях чекисты расстреливали всех заключённых почти поголовно. В свою очередь, поляки, захватившие город, к госпиталю с тифозными больными не проявили интереса.

Семья Е.А. Яковлева, после вступления в город польской армии выживала, занимаясь продажей вещей польским офицерам, чему помогало свободное владение Валерией Фердинандовной польским языком. Последнее избавило её от неприятностей уже с этими властями. После изгнания поляков Евгений Андреевич был найден в том же госпитале комиссаром Окружного инженерного управления, и по выздоровлении, он продолжил исполнять обязанности Начальника инженеров округа [18]. Так началась его долгая служба в Советской Армии, завершившаяся 26 февраля 1951 г. [1, с. 333—341].

Ещё более необычной оказалась судьба военного инженера *Николая Николаевича Ионова*, ещё одного инженера, служившего во Владивостокской крепости,

который в годы Гражданской войны умудрился повоевать практически везде и у всех, да ещё и остаться в живых, что удавалось очень немногим.

Его участие в сооружении новой главной линии сухопутной обороны крепости проекта 1910 г. началось 7 января 1910 г., когда его «безотлагательно» откомандировали в Управление Строителя Владивостокской крепости [17, Приказ войскам Приамурского военного округа № 70 от 19 февраля 1910 г.]. Уже 19 июня 1910 г., приказом по Временному Управлению Строителя Владивостокской крепости он был официально назначен офицером для поверки смет. В реальности же он в это время занимался составлением проекта Форта № 3 на 200-й высоте — одного из ключевых укреплений нового долговременного обвода Владивостокской крепости. 27 июля 1910 г. доклад капитана Н.Н. Ионова о проекте форта № 3 на 200-й высоте был одобрен, а сам Николай Николаевич стал производителем работ 3-го строительного участка, и приступил к реализации своего проекта на практике. 23 декабря 1910 г. его Высочайшим приказом зачислили в корпус военных инженеров, с назначением в распоряжение Начальника инженеров Варшавского военного округа. Однако прикомандирование к Управлению Строителя Владивостокской крепости было сохранено и место его службы осталось прежним. 1 мая 1911 г. он был официально назначен производителем работ 3-го строительного участка, т.е. инженером, руководившим постройкой Форта № 3 [1, с. 298—299].

Тогда же начало налаживаться и семейное положение этого офицера. 26 августа 1911 г. он женился на дочери умершего подполковника 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады девице Клавдии Николаевне Гонорской, которой в то время было 18 лет. У них 25 августа 1912 г. родились двойняшки — сын Вадим и дочь Татьяна [19]. Отец Клавдии Николаевны происходил из семьи священнослужителей, а с её братом Борисом Н.Н. Ионов вместе учился в кадетском корпусе. Сам Борис Николаевич также служил во Владивостоке в 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде заведующим бригадной учебной командой. К моменту приезда Н.Н. Ионова он имел чин капитана и фактически был старшим в осиротевшей многодетной семье, в которой оставались ещё и маленькие дети. Сама Клавдия Николаевна Гонорская до замужества работала учительницей Николаевского городского приходского русско-китайского училища, чтобы не сидеть на шее у матери и брата. Училище располагалось в доме № 21 по улице Китайской (в наст. вр. Океанский проспект) в г. Владивосток. Училище получило название Николаевского в память коронации Николая II и его супруги в 1896 г. Оно было основано на деньги русских и китайских купцов и содержалось на городские средства. В нём вместе с русскими детьми учились и китайские дети. При возведении служебного жилого дома для секретарей Приморского краевого комитета КПСС в 70-е годы прошлого столетия бывшее здание училища, в котором размещался детский сад, и на свою беду оказавшееся перед строящимся домом, было снесено. На его месте разбили сквер, ныне сквер Почётных граждан города Владивостока [2, с. 235—247].

Петр Павлович Унтербергер, который был другом Н.Н. Ионова, вспоминал о нём: «...На третий строительный участок, — названный “Горой Попова”, — Жигалковский назначил Ионова, товарища моих лет по училищу, очень маленького парня, в котором всё было круглым; его голова с коротко стриженными волосами, его ноги и руки. По виду нельзя было даже подозревать, что в действительности он был чрезвычайно ловким

офицером, который участвовал во всей Японской кампании, и заработал все награды, которые мог иметь обер-офицер до ранга капитана, за единственным исключением — Георгиевского Креста. Он был немного близорук и постоянно носил пенсне, которое чудесно сидело и никогда не спадало. По темпераменту очень спокойный, хотя и не относился к чрезвычайно умным, как Кудрявцев или Шабанов. Способный инженер, один из немногих, кто сумел понять, как привлечь разбросанные местные рабочие руки на свой строительный участок. В обращении приятный весёлый парень с особенным пристрастием к геологии» [20].

Петр Павлович отмечал, что на момент назначения производителем работ 3-го Строительного участка Н.Н. Ионов ещё «...не был женат, но он оставался таким не долго, так что я упомяну здесь сразу и его будущую жену. Ее звали Клавдия Николаевна и происходила она из артиллерии. Среди всех наших дам она была самая высокая, так же как её муж — самый низкий среди нас. Она была женщиной с широкой костью, хороша собой, но с несколько суровым лицом. Были ли её глаза сине-серые или карие, я уже не помню, однако у неё были тёмные, густые и совершенно прямые брови и большой пухлый рот. Особой живостью ума она не выделялась и у нас было ощущение, что она в тихую сохраняла некоторую склонность к артиллерийской среде, что, однако, не мешало поддерживать в нашем кругу хорошие товарищеские отношения, даже если она и вносила меньший вклад в беседу, чем другие дамы» [20].

6 декабря 1913 г. Николая Николаевича произвели в подполковники, а в 1914 г., с началом Первой мировой войны он добился отправки на фронт, куда и отбыл в качестве помощника корпусного инженера 1-го Сибирского армейского корпуса. В 1915 г. он также командовал 1-м Сибирским инженерным полком. 6 декабря его произвели «за отличие» в полковники, с утверждением в обеих занимаемых должностях. 20 марта 1917 г. Н.Н. Ионов был допущен уже новой, революционной властью к исполнению должности командира полка и Начальника инженеров 1-го Сибирского армейского корпуса.

За отличия в боевых действиях он, за время Первой мировой войны, был награждён Георгиевским оружием (7 ноября 1915 г.) и орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (11 октября 1917 г.) [1, с. 300], причём в царском указе о награждении указывалось: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных Вами в делах против неприятеля, утверждая определённую, по удостоверению Местной Думы, Командующим I армией, по предоставленной ему Нами власти, награду, за то, что в бою 18-го января 1915 года, когда немецкая артиллерия ураганным огнём обрушилась на позиции одной из дивизий на опушке Градовского леса и совершенно разрушила проволочные заграждения, на другие оборонительные сооружения на важнейшем, в тактическом отношении левом участке позиции, вы немедленно выехали на позицию и под непрерывным ураганным огнём неприятельской артиллерии в течение всей ночи руководили работами по восстановлению искусственных препятствий, вследствие чего только благодаря вашему беззаветному мужеству и распорядительности, искусственные препятствия к утру 19-го января были вполне восстановлены, атаки немцев на наши позиции, произведённые к вечеру 19-го и утром 20-го января, были отбиты нашими войсками с большим уроном, каковой успех был достигнут исключительно благодаря своевременному восстановлению искусственных препятствий.

Всемилоостивейше пожаловали Мы вам Указом в 28-й день ноября 1915 года, Капитулу данным, Георгиевское Оружие» [19].

Список выполненных Николаем Николаевичем в годы Первой мировой войны оборонительных работ впечатляет: позиции у посада Вышково и г. Острова с 28 июня 1915 г. по 10 июля 1915 г.; позиции на линии рек Буга и Рурца; позиции в районе станции Лохов и деревень Сечихи и Адамово. Кроме того, оставаясь в занимаемой должности Н.Н. Ионов выполнял ряд работ в составе чинов Управления руководителя работ по укреплению позиций 10-й армии, включая: позиции в районах Новые-Троки, Эйшики; д. Яншики, пос. Неменчин; у г. Вильно; д. Хожево-Жидовичи; р. Спяглянка, д. Мешичи. Как и в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. он отличался большим личным мужеством и отвагой. Последнее не прошло без последствий — он получил отравление ипритом, от чего у него на всю жизнь остались повреждённые лёгкие.

1 января 1918 г. полковник Н.Н. Ионов демобилизовался и отправился в апреле 1918 г. из Минска в Киев, где поступил на службу в армию Украинской державы Гетмана П.П. Скоропадского на должность корпусного инженера, где и прослужил до конца декабря 1918 г. По-видимому, переезд в Киев произошёл под влиянием его товарища по Владивостоку — бывшего строителя Форта № 4 военного инженера полковника Е.П. Проценко, также служившего в войсках Украинской державы.

В феврале 1919 г. полковник Н.Н. Ионов был мобилизован в армию уже Украинской народной республики С.В. Петлюры и назначен в Луцк на постройку дороги Луцк — Владимир-Волинский, и прослужил там до мая 1919 г., когда Луцк был захвачен поляками. После этого Николай Николаевич переехал в Латвию, где 19 мая 1919 г. поступил на службу на железную дорогу Либава — Митава начальником участка, прослужив там до конца года. После прибытия в Митаву в июле 1919 г. отрядов, сформированной в Германии Русской Западной армии П.Р. Бермондта-Авалова он стал Начальником инженеров этой армии, где был произведён в генерал-майоры. Там, ввиду его исключительных боевых заслуг и авторитета, он стал членом Георгиевской думы, которая рассматривала вопрос о награждениях соответствующими орденами и оружием. Армия эта, вместо борьбы с большевиками втянулась в борьбу с вооружёнными силами Латвии и Эстонии под Ригой и была вытеснена ими в декабре 1919 г. в Германию. Остаться в Латвии Николай Николаевич дальше не мог и эвакуировался вместе с армией в Германию. После этого он стал пробираться через Польшу, Чехословакию, Югославию и Болгарию на Родину, в Вооружённые силы Юга России, которыми командовал генерал А.И. Деникин. Семья Николая Николаевича переживала ужасы Гражданской войны на Юге России, причём Клавдия Николаевна чтобы прокормить себя и детей одно время даже работала маникюрщицей в Одессе. В январе 1920 г. Николай Николаевич встретился в Варшаве с женой и детьми, которые смогли туда приехать. На семейном совете было принято самоубийственное с точки зрения здравого смысла решение пробиваться в Россию.

В апреле 1920 г., когда Николай Николаевич прибыл в Крым, сюда из Новороссийска эвакуировались части разгромленных Вооружённых сил Юга России генерала А.И. Деникина. Обстановка в Севастополе, куда прибывали разгромленные части, была страшной. Разгромленные войска и беженцы привезли с собой эпидемии, незнатных друг с другом людей не успевали хоронить и сбрасывали в море, в результате, первое, что увидел Николай Николаевич по прибытии, это бесчисленные трупы, плававшие по поверхности бухты. Эта картина настолько потрясла воображение

Николая Николаевича, что принимать участие в продолжении безнадежной борьбы он не стал и... переехал из Крыма в Одессу, занятую большевиками ещё в феврале 1920 г.

16 июня 1920 г. Н.Н. Ионов был мобилизован уже большевиками. На этот раз в Красную Армию для участия в борьбе с польскими войсками, которые в апреле 1920 г. развернули широкомасштабное наступление на Украине. Первоначально он был назначен заведующим Инженерной частью Волынского Губвоенкомата, а уже 15 июля стал начальником инженерных снабжений Управления снабжения Первой конной армии.

10 ноября 1920 г. после окончания боевых действий с поляками он был направлен в распоряжение начальника инженеров Штаба Юго-Западного фронта. 1 мая 1922 г. Н.Н. Ионов принял Красную Присягу, а 10 сентября назначен начальником инженеров Очаковской крепости. 7 августа 1923 г. он вступил в должность начальника Одесского района береговой обороны, а 7 мая 1924 г. был назначен начальником Отдела инженерной обороны Управления Строителя береговых батарей Одесско-Очаковского района [1, с. 300—302].

Во время службы на этой должности у Николая Николаевича впервые возникли какие-то сложности с органами ГПУ. По семейным преданиям, однажды ночью в квартиру Николая Николаевича неожиданно нагрянули с обыском чекисты, перепугав детей. Они изъяли все царские ордена, выполненные из драгоценных металлов, оставив только медали. Н.Н. Ионов понял «намёк» с полуслова и буквально на следующий день подал рапорт на увольнение. Каких-то явных последствий, кроме банального ограбления со стороны представителей советской власти, для Николая Николаевича это дело не имело. В 1925 г. он благополучно демобилизовался и поступил в 1926 г. на гражданскую службу, во Всесоюзный трест индустриального строительства («Индустрой»), где проработал до 1928 г. Вообще, в советское время Николай Николаевич дважды буквально проходил по лезвию ножа. В первый раз он чудом уцелел в 1924—1925 гг., когда к его персоне проявило сильный интерес ОГПУ, но тогда дело ограничилось лишь его увольнением из рядов Красной Армии. А во второй раз — во время волны репрессий 1937—1938 гг., когда он отделался административной высылкой в пределах Уральского региона, из которой, вскоре, благополучно вернулся. Его сослуживцам по Владивостоку в подобных ситуациях везло гораздо меньше [1, с. 302—303].

Несомненно, что Николая Николаевича спасла служба в Первой конной армии. Существовало негласное правило, что ветераны Первой конной подлежали репрессиям только по персональному разрешению И.В. Сталина. Обращение же чекистов к вождю по этим вопросам могло иметь непредсказуемые последствия, и они старались не рисковать. Есть сведения, что если при аресте и обыске у подследственного находили документ, свидетельствующий о его службе в Первой конной, то обычно чекисты брали под козырек, извинялись и уходили, причём документ не забирали. У Н.Н. Ионина такой документ был. Не случайно, что копии воинских документов Николая Николаевича, сохранившиеся в его семье, были нотариально заверены в Свердловске именно в 1938 г. [19] и, скорее всего, их наличие и помогло Николаю Николаевичу минимизировать последствия репрессий, а вскоре вообще благополучно вернуться домой. Потомки этого офицера очень много сделали для поддержания обороноспособности и развития своей страны и живут в России до сих пор.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях братоубийственной Гражданской войны 1918—1922 гг. военные инженеры, бывшие участники строительства

фортов главной линии обороны нового сухопутного обвода крепости проекта 1910 г. действовали, зачастую, не только из политических убеждений, но и исходя из соображений обеспечения безопасности собственной семьи, родных, близких и детей. Более того, в большинстве случаев именно интересы семьи и детей ставились на первое место, вопреки утверждениям советской историографии о первенствующем значении политических убеждений. Именно поэтому офицеры, оказавшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке чаще всего служили, а зачастую и воевали, на стороне белых армий. В свою очередь инженерные офицеры, оказавшиеся на территории подконтрольной красным, часто оказывались на службе у красных вопреки своим политическим убеждениям или вынужденно шли на откровенный компромисс с совестью в целях спасения семьи. Некоторые же полагали, что необходимо служить Родине независимо от степени гнусности правительства, которое волею исторического случая оказалось в стране у власти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015. 378 с.
2. Анча Д.А., Мизь Н.Г. Китайская диаспора во Владивостоке. Страницы истории. 2-е изд. испр. и доп. Владивосток, 2015. 312 с.
3. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток: Общество изучения Амурского края — Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 434 с.
4. Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и Македонском фронтах 1916—1918. (По материалам Архивов Французского Военного Министерства). Париж: Издание Союза Офицеров участников войны на французском фронте, 1933. 247 с.
5. Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции издаваемый Г.В. Гессеном. 1923. Т. 12. С. 197—291.
6. Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции издаваемый Г.В. Гессеном. 1924. Т. 13. С. 197—312.
7. Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции издаваемый Г.В. Гессеном. 1924. Т. 14. С. 225—341.
8. Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции издаваемый Г.В. Гессеном. 1924. Т. 15. С. 254—345.
9. Ингемансон Б. Солнечный дворик. Владивостокская повесть. Владивосток: Рубеж, 2011. 352 с.
10. Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Военные инженеры генерал-майор Алексей Петрович Шошин и подполковник Петр Васильевич Заглядимов. История одной семьи // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 130—187.
11. Неизвестный дневник барона А.П. Будберга 1919—1920 гг. // Ганин А.В. Семь «почему» Российской гражданской войны. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. С. 588—722.
12. Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.: Вече, 2011. 224 с.
13. Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894—1930). Владивосток: Рубеж, 2008. 448 с.
14. Турмов Г.П., Калинин В.И. Аюшин Н.Б. По следам старой фотографии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 192 с.
15. Турмов Г.П., Калинин В.И. Аюшин Н.Б. По следам старых фотографий. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2011. 192 с.

16. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
17. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
18. Семейный архив Анны Владимировны Веселовской, г. Москва, РФ.
19. Семейный архив Ю.В. Дерышевой, г. Лесной, Свердловская область, РФ.
20. Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich). «Zwischen zwei Stühlen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («„Между двух стульев” Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера»).

REFERENCES

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. *Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikaciya, soby'tiya, lyudi. Ch. IV. Inzhenery Vladivostokskoj kreposti: schastlivye lyudi* [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part. 4. Engineers of Vladivostok Fortress: Happy People]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2015. 378 p. (In Russ.)
2. Ancha D.A., Miz` N.G. *Kitajskaya diaspora vo Vladivostoke. Stranicy istorii* [Chinese Diaspora in Vladivostok]. 2nd ed. Vladivostok, 2015, 312 p. (In Russ.)
3. Budberg A.P., baron. *Sibirskie vospominaniya* / Red.-sost., kommentarij R.S. Avilov, V.I. Kalinin; vstup. st. R.S. Avilov, N.B. Ayushin, V.I. Kalinin. [Siberian Memoirs. / Ed. by. R.S. Avilov, V.I. Kalinin; Biographical essay by R.S. Avilov, N.B. Ajushin and V.I. Kalinin]. Vladivostok, Society for Studies of Amur Region — Primorsky Regional Department of the Russian Geographical Society, 2017. 434 p. (In Russ.)
4. Danilov Yu.N. *Russkie otryady` na francuzskom i Makedonskom frontax 1916—1918. (Po materialam Arxivov Francuzskogo Voennogo Ministerstva)* [Russian brigade in French and Macedon fronts in 1916—1918. (In materials of the Archive of French War Ministry)]. Paris, The Union of officers-participants of war in French front Publ., 1933. 247 p. (In Russ.)
5. Dnevnik barona A. Budberga [Baron A.P. Budberg's Diary]. *Arxiv russoj revolyucii izdavaemyj G.V. Gessenom*, 1923, Vol. 12, pp. 197—291. (In Russ.)
6. Dnevnik barona A. Budberga [Baron A.P. Budberg's Diary]. *Arxiv russoj revolyucii izdavaemyj G.V. Gessenom*, 1924, Vol. 13, pp. 197—312. (In Russ.)
7. Dnevnik barona A. Budberga [Baron A.P. Budberg's Diary]. *Arxiv russoj revolyucii izdavaemyj G.V. Gessenom*, 1924, Vol. 14, pp. 225—341. (In Russ.)
8. Dnevnik barona A. Budberga [Baron A.P. Budberg's Diary]. *Arxiv russoj revolyucii izdavaemyj G.V. Gessenom*, 1924, Vol. 15, pp. 254—345. (In Russ.)
9. Ingemanson B. Solnechnyj dvorik. Vladivostokskaya povest'. [The sunny neighborhood. Vladivostok poem]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2011. 352 p. (In Russ.)
10. Kalinin V.I., Ajushin N.B. Voenny'e inzhenery` general-major Aleksej Petrovich Shoshin i podpolkovnik Petr Vasil'evich Zaglyadimov. Istoriya odnoj sem'i [Military engineers Major-General Aleksey Petrovich Shosin and Lieutenant Colonel Peter Vasilievich Zaglyadimov]. *Krepost' Rossiya. Istoriko-fortifikacinyj sbornik*. Vol. 4. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2010, pp. 130—187. (In Russ.)
11. Neizvestnyj dnevnik barona A.P. Budberga 1919—1920 gg. [The unknown diaries of baron A.P. Budberg 1919—1920]. Ganin A.V. *Sem` «pochemu» Rossijskoj grazhdanskoj vojny`* [Seven "Why" of Russian Civil War]. Moscow, «Pyatyj Rim» (ООО «Bestseller») Publ., 2018. pp. 588—722. (In Russ.)
12. Pavlov A.Yu. «Russkaya odisseya» e`poxi Pervoj mirovoj. Russkie e`kspedicionny`e sily` vo Francii i na Balkanax [“Russian Odysseus” in the era of World War I. Russian expeditionary forces in French and in Balkans]. Moscow, Veche Publ., 2011, 224 p. (In Russ.)
13. Prej E.L. *Pisma iz Vladivostoka (1894—1930)* [Letters from Vladivostok]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2008. 448 p. (In Russ.)
14. Turmov G.P., Kalinin V.I. Ayushin N.B. *Po sledam staroj fotografii* [In the wake of old photo]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 2010. 192 p. (In Russ.)
15. Turmov G.P., Kalinin V.I. Ayushin N.B. *Po sledam stary`x fotografij* [In the wake of old photos]. Vladivostok, Far Eastern State Technical University Publ., 2011. 192 p. (In Russ.)